

Russica Romana

VOLUME IX 2002

In ricordo di Michele Colucci - II

ISTITUTI EDITORIALI E POLIGRAFICI INTERNAZIONALI®
PISA • ROMA

АНДРЕЙ ШИШКИН

“Россия раскололась пополам”: неизвестное письмо Вл. Ходасевича

Публикуемое здесь письмо Вл. Ходасевича к Вяч. Иванову¹ восстанавливает существенное звено в начавшемся еще в Москве 1914 г. общении двух поэтов. В 1922 г. Ходасевич отправился на Запад как командированный Народным комиссариатом просвещения СССР. При этом имя Ходасевича было в списках высылаемых из России, но этот список проходил по делам ведомства не Луначарского, а Менжинского. Летом 1924 г. в таком же статусе командированного Наркомпросом отправился в Италию Вяч. Иванов.

В октябре 1924 г. Ходасевич собрался приехать в Рим. Из Парижа он заранее списался с Вяч. Ивановым, договариваясь о встрече. Оба поэта, как можно думать, рассчитывали на совместный разговор о пережитом и современном, о советской России и России на Западе. Перед Вяч. Ивановым, как и перед Ходасевичем стоял выбор: стать эмигрантом или вернуться в СССР. Возвращение в то время могло манить кажущимся материальным благополучием, но и означало, как минимум, идеологическое признание советского режима. (Такого же рода дилемма стояла как раз в эти годы перед Андреем Белым, П.П. Муратовым и др.).

Встречи Иванова с Ходасевичем в Риме осенью 1924 г. не произошло. Вместо нее состоялся обмен письмами, и благодаря ним в руках современного читателя оказались замечательные документы, характеризующие один из драматических моментов в русском духовном самосознании середины 1920-х гг.

История “невстречи” двух поэтов в Риме в октябре 1924 г. такова. 4 октября, отправляясь вместе с Н. Берберовой гостить у Горького в Сорренто, Ходасевич послал из Парижа следующее письмо Иванову: “(...) Вячеслав Иванович, только что узнал что [Вы] в Риме. Сегодня вечером я как раз уезжаю [и] пробуду в Риме всего 2 дня: 7 и 8 октября. (...) хотелось бы повидать Вас. Поэтому, если Вас не затруднит, сообщите

¹ О существовании этого и других писем Ходасевича к Вяч. Иванову было известно Дж. Малмстаду, который в 1987 г. опубликовал письмо Ходасевича к Иванову от 21 января 1925 (*Минувшее: исторический альманах*, кн. 3. Париж 1987, с. 264-268). Эти письма были выявлены мной на новом этапе разборки Римского архива Вяч. Иванова в начале 1990-х гг. Они цитируются в тексте без специальной ссылки. Письма Иванова к Ходасевичу были опубликованы и комментированы Н.Н. Берберовой в *Новом журнале* 1960, т. 62 с. 284-289.

свой адрес в albergo S. Chiara, via S. Chiara (это недалеко от Пантеона). Будьте здоровы. Надеюсь вскоре увидеть вас”. Получив письмо, Вяч. Иванов немедленно отвечал 7 октября, сообщая свой римский адрес: “(...) Непременно хотел бы с Вами увидаться. Не уезжайте, не повидавшись со мной. Заходите ко мне или назначьте у себя свидание”.

День 8 октября описан в “камер-фурьерском журнале” Ходасевича:

8, среда. Гулял. Обедать. За билетами. / [Оцупу, Липицкому, Нюре]. К Синьорелли (Муратов и др.). / [В. Иванов]. (К Вяч. Иванову). В пиццерию. (Синьорелли, Муратовы, Кроль...). Гуляли. В 9 часов утра из Рима².

Как видим, Ходасевич не застал Иванова днем на его квартире на улице Четырех Фонтанов. Между тем Иванов до полуночи дожидался Ходасевича в гостинице S. Chiara, в то время как тот отправился на прогулку с О. Синьорелли, П. П. Муратовым, его женой Екатериной Сергеевной и учеником Мейерхольда Г. А. Кролем. Недождавшись Ходасевича, Иванов оставил ему визитную карточку со следующим кратким посланием:

Огорченный тем, что Вы меня не застали, поехал к Вам и ждал Вас до 12 час. И так, не судьба увидаться. А я хотел поговорить с Вами подробно о сотрудничестве в “Беседе”. Напишите мне об этом обстоятельно. Нуждаюсь в литературной работе и в издании разнообразных вещей. Сообщите, если Алексею Максимовичу писать трудно, его мнение о присланной ему пьесе. Напишите также о Париже. Спасибо, что заходили. Привет.

В этих кратких строках, ограниченных небольшим объемом визитной карточки, было задано много вопросов. Прежде всего Вяч. Иванова интересовало сотрудничество в горьковской “беспартийной”, то есть, не эмигрантской, но и внесоветской *Беседе*. В плане практическом это означало возможность для писателя издавать свои произведения (неопубликованных сочинений у Иванова к 1923 г. собралось достаточно много) и жить на гонорар, в плане же более общем – возможность для русского писателя на Западе придерживаться независимой позиции.

Под “присланной Горькому пьесой” Вяч. Иванов имел в виду свою трагикомедию в стихах *Любовь-мираж?*, отосланную в Сорренто для “Беседы” в конце сентября 1924 г. Спустя два дня, 10 октября, Горький сообщил свой краткий и решительный отказ: “Уважаемый Вячеслав Иванович, к сожалению, оперетта Ваша не может быть напечатана в *Беседе*. [...] Не сообразовали ли прислать стихи? В. Ф. Ходасевич просит передать Вам его привет”³.

² В. Ходасевич, *Камер-фурьерский журнал*, М. 2002, с. 65.

³ Н. Котрелев, “Из переписки Вяч. Иванова с Максимом Горьким: к истории журнала *Беседа*”, *Europa Orientalis* 14 (1995), 2, с. 189. Далее переписка цитируется в тексте без специальных ссылок.

Послушно посылая свои поэтические сочинения Горькому 16 октября 1924 г. для журнала, Вяч. Иванов передавал поклон Ходасевичу и спрашивал: “Отчего Владислав Фелицианович мне не напишет, как обещал? Ведь он хотел со мною увидеться в Риме, и это не удалось”. В следующем письме от 25 ноября 1924 г. Иванов отправил цикл *Римских сонетов* на суд Горького и Ходасевича: “Буду ждать нескольких строк от Вас или от Владислава Фелициановича, коему кланяюсь, приняты ли они и желательны ли их продолжение”.

Цикл открывался сонетом *Ave Roma* (“Вновь, арок древних верный пилигрим...”), где Вяч. Иванов через ряд образов и мифов выразил свое отношение к эмиграции и к происшедшим в России ближайшим событиям, включая и собственное вынужденное изгнание. Содержание сонета может быть пересказано так: Рим-Новая Троя, основанная на берегах Тибра троянцем Энеем – символ сохранения Прошлого и Сбывшегося, преемственности памяти в Культуре – оттого Рим и начинает новую европейскую историю. Участь горящей Трои, истребляемой безжалостным врагом, постигла теперь Россию, еще недавно притязавшую на наследие Третьего Рима. Но история Вечного города – его уничтожение, восстановление из пепла и память о прошлом Граде троянских праотцев – может дать отдаленную, не формулируемую здесь надежду и для вернувшегося в изначальный, вечный Рим русского изгнанника и поэта.

Присланные сонеты изменили тон и стиль переписки с Горьким (ср. его письмо от 29 ноября). На этот раз, под влиянием прочитанных сонетов, ответил не только Горький, но и Ходасевич.

Вот это новонайденное письмо. Начинается оно с объяснения ближайших причин затянувшегося эпистолярного молчания, а продолжается мыслями о кризисе христианской Европы и обеих России – в изгнании и внутри Советского Союза; со временем эти мысли оформятся в историософии и символах поэтической книги *Европейская ночь*:⁴

28 ноября 1924.

Sorrento.

Дорогой Вячеслав Иванович,

Не писал я Вам потому, что все эти полтора месяца только и мог делать, что отлеживаться, отлеживаться, главное же – отмалчиваться. Последнюю потребность, Вы, конечно, особенно поймете – и не осудите меня. Впрочем, вот мой итинерарий за последние 2 ½ года; он – мое лучшее оправдание. С июля 1922 г. по ноябрь 1923 – Германия (Берлин, Saarow, разные побережья, Фрейбург); ноябрь 1923 – Прага; декабрь 1923 – март 1924 – Мариенбад;

⁴ См. С. Бочаров, “Памятник Ходасевича”, в кн. Владислав Ходасевич, *Собр. соч. в 4 томах*, М. 1996, т. 1, с. 40 и далее.

март – апрель – Италия; апрель – июль – Париж; август-сентябрь – Ирландия; потом хлопотливый переезд через Париж и Рим – сюда. В прежних условиях это звучало бы как “путешествие”. Ныне, к несчастью, это скитание, хуже того – мыканье. Прибавьте к этому не мучительную, но нестерпимо надоедливую болезнь (желудочную), при которой все время приходится лечиться. Наконец, по приказу врача, последние три недели изнываю от некурения: с 30 штук в день сразу спустился до 2-3.

Но и это бы ничего. Хуже всего – признаюсь – внутренняя подавленность. Угнетает меня равно и то, что творится в России, и то, на что насмотрелся я здесь, в эмиграции. Там – сознательное и планомерное разрушение культуры, здесь – маразм. И там, и здесь – разительное понижение интеллектуального уровня: иначе назвать не могу. И там и здесь – грубейшее насилие над совестью и умом, затыкание ртов и все прочее. Россия раскололась пополам, и обе половины гниют, каждая по своему. Мучительно то, что никаким словом здесь не поможешь: происходит “исторический процесс”, а это вроде дурной погоды: ее надо переживать, пересиживать. А пересидим ли? Боюсь, что процесс не только русский, а всемирный, затяжной, лет на триста – на триста лет американизации, когда людям нашего склада придется прятаться в катакомбы (где, кстати сказать, соединятся все недовольные вместе: люди всех церквей и религий, поэты, убийцы, философы, проститутки и проч.). Конечно, и тут приходят на ум некие *высокие* утешения, – но человеку закономерно необходимы *и не высокие*. Майковский герой прав:

И пусть по смерти жить мы будем
(Тебе готов я уступить) –
А все себя мы не принудим
Без сожаленья кончить жить⁵.

Простите за эти унылые (и скомканные) соображения. Надеюсь, однако, что Вы поймете, какую радость для меня оказались на фоне их Ваши Римские сонеты. Вы мне напомнили, что мыслима еще настоящая поэзия, тонкая мысль, высокое и скромное, не крикливое мастерство. Вот и захотелось поблагодарить Вас (не по-писательски, а по-читательски) за добрую весть о том, что многое еще живо. Такою вестью были мне Ваши стихи.

Пожалуйста, черкните, на долго ли Вы в Италии? Собираетесь ли в Россию? И – о Гершензоне, который иногда пишет мне очень хорошие письма, в которых чувствуется боязнь перлюстрации. Чего-то он не договаривает. Не очень ли ему тяжело там? Всего Вам хорошего. Крепко жму руку. Сердечно Ваш Владислав Ходасевич.

Новый адрес Алексея Макс[имовича] с мая: “*Il Sorito*”. *Capo di Sorrento (Napoli)*

“Римские Сонеты” вряд ли попадут в 5^ю кн. “Беседы”: она почти готова. Пойдут в 6^ю. Впрочем, на эти темы напишет вам Ал[ексей] Макс[имович].

Из шести известных писем Ходасевича к Иванову данное, без сомнения, наиболее значительное. Не будет преувеличением сказать, что оно было высшей точкой в их эпистолярном общении. Вместе с тем в

⁵ Реплика Люция из лирической драмы А.Н. Майкова *Три смерти* (1851-1852).

⁶ Сонеты Вяч. Иванова в *Беседе* опубликованы не были.

этом письме обозначился практически-профессиональный сюжет — несвобода писателя, вынужденного считаться, а то и подчиняться диктату той или иной идеологии или партийной политике не только в России, но и в эмиграции. Этому сюжету было суждено воплотиться в творческой биографии и Ходасевича и Вяч. Иванова. Как, это мы покажем на следующих страницах.

Вяч. Иванов получил это письмо 1 декабря, в один день с письмом от А.М. Горького. Именно в этот день поэтом был начат новый дневник. Пространная запись от 1 декабря подробно описывала те же драматические жизненные (то есть реальная дилемма возвращения в СССР или поисков заработка в Европе) и историософские проблемы, что стояли перед Ходасевичем. Так как эта запись демонстрирует контекст, в котором Ивановым было прочитано письмо Ходасевича, остановимся на ней подробнее. Дневниковая запись начиналась следующим образом:

Итак, мы в Риме. Мы на острове. Друзья в России — *gari nantes in gurgite vasto*⁷. Чувство спасения, радость свободы не утрачивают своей свежести по сей день.

А заканчивалась так:

Наконец-то обновил я когда-то, давным давно, добытую для меня Кузминым книжку. В таких книжках писал он, — а может быть и теперь все пишет свой многолетний дневник. Но как я-то принялся за *diarium*? Признак досуга? Или ограничение событий? Или наступление последней поры? В Риме, — говорил я, уезжая из России, — хочу умереть. Amen.

Между этими двумя записями находилась подробная хроника передуманного и зафиксированного на бумаге в последние дни: известие о советских “гражданских” похоронах В.Я. Брюсова (“Доломался, долгался, додурманился бедняга до макабрной пошлости ‘гражданских похорон’ с квартетом, казенными речами и почетной стражей ‘ответственных работников’”) и письмо его вдове со стихами на смерть прежнего соратника и друга⁸; письмо из Баку от ученицы по Бакинскому университету К. М. Колобовой. Затем в дневниковой записи отмечалось прибытие писем от Горького и Ходасевича, причем наиболее важное из обоих писем выписывалось, пересказывались и комментировались; инвектива Ходасевича об отсутствии духовной свободы как в СССР, так

⁷ “Редкие пловцы в безмерной стремнине”; как отметил С. С. Аверинцев (*Скворешниц вольных граждан... Вячеслав Иванов: путь поэта между мирами*, СПб. 2001, с. 104 прим. 74), эта цитата из *Энеиды* Вергилия (I, 118) не случайно пришла на ум Иванову в его Энеевом странствии, при этом она подразумевается сонетом *Ave Roma*.

⁸ Самое письмо от 30 ноября 1924 г. см. в *Литературном наследстве*, т. 85, М. 1976, с. 544-555.

и в эмиграции непосредственно соседствовала с сообщением о конфликте, который произошел в римской русской православной церкви на площади Кавур между монархически настроенной частью прихода и ивановскими сыном и дочерью⁹:

Письмо от Масима Горького: “Прекрасные стихи Ваши получил, примите мою сердечнейшую благодарность, мастер”. Искренне благодарен он, что я не обиделся. [...] Вечером другое письмо из Сорренто – от Ходасевича. Хвалит также “высокое и скромное, некликливое мастерство” сонетов. Пишет о своей болезни и горестном “мыканьи” по разным странам. “Россия раскололась пополам, и обе половины гниют каждая по-своему”. Но и там и здесь разительное понижение интеллектуального уровня, – грубейшее насилие над совестью и умом, затыкание ртов”. – Вчера мои были во второй раз в русской церкви и решили больше туда не ходить¹⁰.

Ответил на письмо Ходасевича Иванов уже в канун нового года, 29 декабря. Поставленный Ходасевичем исторический диагноз справедлив, налицо как закат коммунистической России, так и закат христианской Европы, – так начиналось его письмо, продолжающее образы и идеи как письма Ходасевича, так и собственной дневниковой записи от 1 декабря. Но в Европе для “русского европейца”, каковым себя считал Иванов, все же возможно свободное и своеобразное героическое или стоическое самостояние, “отшельничество” в мертвой европейской “пустыне”. При этом как возможность остаются жизнь, творчество и поэзия, в том числе поэзия самого Ходасевича:

Как ни мрачен общий фон и Вашего и моего душевного настроения, по одинаковым причинам, в письме Вашем правильно отмеченным (“Россия раскололась пополам, и обе половины гниют, каждая по своему”), – все-же мы оба, хоть физически-то, еще живы, а следовательно способны и к нечаянной радости, когда сильная светлая волна, откуда ни возмись, вдруг плеснет из неведомых родников души и непонятно освежит, оживит иссыхающую омертвелую душу. Вот такого-то счастья, прежде всего, и желаю Вам в новом году, желаю и себе; но Вам – с уверенною надеждой, себе же менее уверенно. Что до Вас, – слышал я с разных сторон столь восхищенные отзывы о Ваших стихах последнего времени, мне к сожалению неизвестных, – да и без этих отзывов так знаю Вас, лирического поэта, – что Вашей хандры, как бы ни была она глубоко оправдана, ежели только Муза с Вами, окончательно бояться не могу: когда в поэте затоскует Саул, закономерно поднимет в нем-же свой голос и Давид. Что до меня [...] Саул во мне стосковавшись по все чаще и слишком надолго пропадающем Давиде, сам пытается перебирать пальцами струны его

⁹ Об этом см.: Л. Иванова, *Воспоминания*, Париж 1990, с. 202; *D'Ivanov a Neuvécelle. Entretien avec Jean Neuvécelle recueillis par R. Aubert et U. Gfeller*, Montricher 1996, pp. 101-102.

¹⁰ В. И. Иванов, *Собр. Сочинений*, Брюссель 1979, т. III с. 851-853. Опечатки исправлены нами без оговорок.

заброшенной арфы, да не налаживается волшебная песня. И опять скажешь: не жизнь поэту без его живой страны, а в Москве, где я прожил летом, после 4-летнего сидения в Баку, три месяца и должен был надыхаться хваленым “озоном”, видел я только нервных больных под действием веселящего газа, и как ни уверял себя, что мертв я, а вокруг меня живые, глаза и сердце упорно отказывались свидетельствовать о жизни и радости, которые веют там, где дышет животворящий Дух. И жадно хотелось переменить воздух и оглядеться в Европе и из Европы; но жизни на западе я также не узрел – и вот влачусь в пустыне мрачной. Остается обратить пустыню в пустынь, чего бы я и желал: другими словами, так как по истечении годовой командировки вернуться я не обязан, если не хочу сохранить за собой бакинской профессуры по классической филологии и поэтике – крепко думаю пустынножительство заграничное продолжить, – была бы только литературная или какая иная мне доступная работа. Похож я на Филоктета, оставленного с язвой и луком на пустынном острове. [...] [Гершензон] говорил мне: “десять месяцев поживете там – и потянет неудержимо в Россию; через десять месяцев здесь – туда”. Но, я-то другой человек, и привык за свою жизнь пустынножительство на Западе долгими годами и рядами лет, только укрепляясь в своем русском самочувствовании¹¹.

Следующее письмо от 12 января 1925 г. – последнее среди ивановских писем к Ходасевичу – было посвящено подробному разбору *Тяжелой лиры*. Поддержать эпистолярный диалог в тот момент на дружеском и творческом уровне Ходасевичу было трудно. В ответном письме из Сорренто от 21 января он писал о своем “кризисе формы” и о том, что не может больше сочинять стихи. По пути во Францию Ходасевич остановился на два дня в Риме 19 и 20 апреля 1925 г.; на квартирах Муратова и Синьорелли произошли его последние встречи с Вяч. Ивановым¹². В письме из Парижа от 29 апреля 1925 г. Ходасевич сообщал “самые неутешительные” известия касательно возможности для Вяч. Иванова “литературной работы” и “издания разнообразных вещей” в русском Париже: любое сотрудничество там было невозможно для формально неприсоединившегося к антисоветскому блоку:

Дело в том, что теперь от всех, кто хочет печататься здесь, требуют самых решительных гарантий полного разрыва, фактического и юридического, с Советской Властью. Люди, весьма близкие к Цетлиным, посоветовали мне, не имея таких с Вашей стороны гарантий, даже и не заикаться об этом деле, так как говорят, что разговоры не только будут практически безуспешны, но мне даже придется выслушать ряд резкостей, как по Вашему, так и по моему даже адресу.

В этой ситуации думать о появлении в Париже книги стихов Вяч. Иванова было мало реально. Примечательно, что в 1928 г. благодаря

¹¹ *Новый журнал*, 1960, т. 62, с. 285-286.

¹² В. Ходасевич, *Камер-фурьерский журнал*, с. 67 и 68.

очередному зигзагу советской политики в области литературы, редакция *Красной нови* обратилась к поэту с просьбой дать для журнала цикл новых стихотворений. Вяч. Иванов оценил приглашение (по его словам, “чуть-чуть провокационное”) как “быть выведенным на советскую арену одним из интеллигентов-гладиаторов, восклицающих хором ‘Ave, U.R.S.S., morituri te salutant!’”¹³ По размышлению он телеграфировал в Москву: “Publication impossible. Excusez refus. Réserve poésies pour livre posthume”.¹⁴

В эмигрантском же Париже “формальные и юридические гарантии” Вяч. Иванов смог предъявить только в 1936 г., когда отказался от советского паспорта и когда обещание Луначарскому не сотрудничать в русской эмигрантской печати потеряло всякий смысл. В LXII книге *Современных записок* тогда появился цикл *Римских сонетов*. Ходасевич (уже десятилетие молчавший как поэт) откликнулся на публикацию цикла, увидевшего свет с более чем десятилетним опозданием, в статье в газете *Возрождение*. Статья начиналась так:

Очередная книжка “Современных Записок” ознаменована литературным событием: в ней находим мы цикл “Римских сонетов” Вячеслава Иванова, не выступавшего в печати уже очень давно: лет четырнадцать, а может быть и семнадцать. [...] Написанные тотчас по приезде поэта из России¹⁵, в 1924 г., они вскоре после того должны были появиться в журнале “Беседа”. Этого не случилось, потому что журнал внезапно прекратил свое существование.

Завершался фрагмент о *Римских сонетах* противопоставлением “интеллектуальной” поэзии Вяч. Иванова “новейшей” литературной культуре русского зарубежья, по адресу которой Ходасевич позволил себе завуалированную иронию:

Не приходится отрицать и то, что на фоне новейшей нашей поэзии творчество Вячеслава Иванова звучит несколько архаически. Однако, было бы напрасным и вредным самообольщением думать, что это оттого, что мысли Вячеслава Иванова отстали от мыслей современной поэзии нашей. Вячеслав Иванов архаичен не потому, что устарели его мысли, а потому, что самая наличность мыслей в поэзии, к несчастью, сделалась архаизмом. Сладкозвучнейшие из наших поэтов не глубокомысленны¹⁶.

Этому отзыву суждено было стать запоздалой репликой Ходасевича в его диалоге с Вяч. Ивановым, прервавшимся в 1926 г.

¹³ “Славься, СССР, идущие на смерть приветствуют тебя!”

¹⁴ “Публикация невозможна. Простите за отказ. Берегу стихи для посмертной книги” – “Переписка Вячеслава Иванова с Ольгой Шор”, *Русско-итальянский архив III*, Салерно 2002, с. 280 и 290. По стечению обстоятельств русской зарубежной жизни, книга стихотворений Иванова смогла появиться только в 1962 г., то есть через 14 лет после его смерти.

¹⁵ В газетной публикации опечатка: “в Россию”.

¹⁶ Газета *Возрождение*, № 4058 (25 декабря 1936).